

**КОНСТАНТИН АРТАМОНОВ
АННА АГАПИТОВА**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

«МИЛОСЕРДИЕ ПОД ЗАПРЕТОМ»

**ПЬЕСА ОСНОВАНА НА РЕАЛЬНЫХ ИСТОРИЯХ ЛЮДЕЙ,
ПРОШЕДШИХ НАЦИСТСКИЕ КОНЦЛАГЕРЯ**

2020

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.....	3
I. ПРОЛОГ	3
II. ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ХОР	4
III. ПЕРВЫЙ РАССТРЕЛ	5
IV. ИСТОРИЯ ФЁДОРА.....	6
V. ИСТОРИЯ ЕФИМА	7
VI. ИСТОРИЯ ПЕТРА	9
VII. ИСТОРИЯ ИННОКЕНТИЯ	9
VIII. ХОР ОБРЕЧЁННЫХ	10
IX. ИСТОРИЯ ОЛЬГИ.....	11
X. ИСТОРИЯ ЕЛЕНЫ. ИСТОРИЯ ЛИЛИ (НАЧАЛО).....	13
XI. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (НАЧАЛО).....	14
XII. ИСТОРИЯ ЛИЛИ. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).....	15
XIII. ТИХИЕ ГЕРОИ.....	16
XIV. ИСТОРИЯ ЛИЛИ. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	17
XV. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МЁРТВОГО РЕБЕНКА	18
XVI. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (ОКОНЧАНИЕ).....	18
XVII. ОСВОБОЖДЕНИЕ	19
XVIII. ВТОРОЙ РАССТРЕЛ.....	19
XIX. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ХОР (A CARPELLA).....	19

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления)

Человек из настоящего

Фёдор (26 лет), солдат

Ефим (29 лет), летчик

Иннокентий (19 лет), солдат

Пётр (20 лет), солдат

Ольга (11 лет)

Елена (12 лет)

Лилия (6 лет)

Любовь (3 года) и её мать

Мать, потерявшая дитя

Оркестр лагеря смерти Яновский

(все участники детского возраста исполняются взрослыми актёрами)

Место действия для всех историй разное, в постановке пьесы может быть совмещено.

На сцене декорации лагеря. На заднем плане печь и конвейер (работающий постоянно), справа экран, ящики, буржуйка, стол, лавка (нары), коричневые с пятнами с одной стороны передвижные ширмы, два устройства для передвижения кукол-немцев, высокое сиденье (как у спортивных судей) – для взгляда из будущего, несколько грязных матрасов земельного цвета, перед сценой натянута проволока.

I. ПРОЛОГ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАСТОЯЩЕГО.

Перед вами мы – позади вас мы.

Редкий лес на ветру, корни крепкие.

Под корою кровь, за ветвями след,

От чужого взора упрятанный.
Подойдите же и послушайте,
Подойдите же и послушайте
То, о чем говорить нам не хочется,
Подойдите же и послушайте,
Подойдите к нам и услышите
Нашу песню, как стон протяжную,
Едкой памятью напоенную,
Уязвленную в своей честности,
Нашу песню...
Посмотрите сюда, в средоточие
Да, смотрите сюда, в средоточие
Наших троп, до камней исхоженных,
Киньте взор на трибуну грубую,
Полюбуйтесь на место лобное
Для истории нашей трепетной,
И для музыки искалеченной.
Да, для музыки искалеченной,
В унисон нашим судьбам вторящей.
Здесь мы сходимся в то единое,
Что сегодня – да – будет явлено,
Что сегодня – да – будет понято,
То единое...
Рассказать смогли только те, кто выжил.
Те, кто не выжил – молчат.
Молчать!

II. ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ХОР

На сцену выходят люди в черном. У каждого взрослая кукла – шесть тряпичных и две деревянных. Хор шести кукол. Поют люди, куклы оживают.

Шли отчаянно, шли без отдыха
Дни, испившие горя дóверха,
Жгли глазницы нам ночи стылые,
Словно птицы мы, да бескрылые.

За стеною земля свободная,
Беззащитная и голодная,
Там надежда стоит печальная –
Променяла нас на отчаянье.

И глядит в упор, да не кается,
В горьком воздухе заикается,
Как умрет один – так и выдохнет,
Мне ли очередь? А других и нет.

Нам страданий здесь полагается
Так что смерть сама удивляется,
За плечом она – милосердие,
Собирает подать с усердием.

Не видать конца, но начало есть –
И зовут его Человеком здесь.
Ото дня горел и почти потух,
Тлеет медленно измождённый дух.

И на лбах итог страшный высечен –
Единицам жить, в пламя тысячам,
И повсюду кровью отмечена
Боль бездонная, память вечная.

III. ПЕРВЫЙ РАССТРЕЛ

Артисты с тряпичными куклами разделяются на три пары. От каждой пары говорит один человек.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Были такие люди, которых нельзя было заставить есть землю. Они умерли первыми.

Первый залп. Две тряпичные куклы из первой пары падают на месте, где потом будет целая гора из кукол. Двое без кукол уходят.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Человек открыт для зла. Если зло проникло в человека, то он уже незащищен перед ним. Тонкая-тонкая, незаметная, прозрачная пелена отделяет человека от... Нет таких слов... От выроodka?! Когда человек сделал шаг и шаг этот был злом, на этом всё... Всё... Его душа ищет только зло.

Второй залп. Так же.

ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК. Концлагерь... Концлагерь! За жизнь... За жизнь? Каждый боролся, побеждали единицы, но боролся каждый! Каждый... Кроме них...

Третий залп. Так же. Двое оставшихся людей крепят кукол СС на их стулья.

На протяжении спектакля люди в черном периодически выносят и бросают кукол в кучу «тел», а потом отправляют в печь.

IV. ИСТОРИЯ ФЁДОРА

ФЁДОР. Служил я в матушке пехоте. Один раз, как сейчас помню, наша рота окопалась на безымянной высоте. А вооружение? Один пулемет «максим» и по винтовке у каждого. Несколько вражеских атак отбили. Но жертв становилось всё больше – куда нашей винтовке против скорострельности вражеского автомата. Из смежного окопа слышится команда: «Отходим!» Откатываемся ко второй линии обороны. Я бежал пригнувшись, когда услышал – мина в воздухе шипит. Грохается рядом и не взрывается! А на спуске с горы раненные кричат, вызывают о помощи. Картина человеческого кровавого месива до сих пор жива в памяти.

Я укрылся за бруствером и выдержал очередную атаку. Ночью отступаем, рассчитываем попасть к своим. Нас пятеро с винтовками, а патроны уже все расстреляны.

ПЕСНЯ ВЫЖИВШЕГО (ФЁДОР)

На Юго-Западный фронт отрядил эшелон нас с разбега,
Из теории в практику бросил солдат под откос.

Высота безымянная, грязный окоп для ночлега,
Тишина, и по коже мороз.

А потом был обстрел, и ему было пищей живое,
Выжигая коросты на теле невинной земли,
Рвали глину снаряды, от жадности бешено воя,
И насытиться ей не могли.

Я живой, я дышу – и виною здесь случай и только,
Впрочем, может у смерти внезапно случился каприз?
Уцелевших из братского круга лишь малая долька,
И сползаем под натиском вниз.

У деревни чужой мы узнали, в чем шутка костлявой,
И узнали, зачем еще бьется чуть слева в груди –
Пожелала война поиграть с нами лапой прыщавой,
Заготовила плен впереди.

*Выходят Ефим и Иннокентий. В дальнейшем их рассказы проживают
куклы и люди в чёрном.*

ФЁДОР. Оказалось, немцы нас опередили. Так я попал в плен. Нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию. До лагеря ехали четыре месяца. Многие умерли с голода, многих расстреляли. Выгрузили в Германии из вагонов, а нас ветром качает. Возле нашей шеренги останавливается «покупатель» в летных погонах. Объявляет: «Беру того, кто пробежит 20 метров!» Недобежавших пристреливали. С трудом одолеваю последние метры и оказываюсь в руках товарищей. Поддерживаем друг друга, ждём решения. Вот тогда я усвоил истину: в одиночку в плену не выжить.

V. ИСТОРИЯ ЕФИМА

ИННОКЕНТИЙ. Я сам не знаю, как попал сюда. Мы форсировали реку. Стрелковая Сибирская дивизия. Я тогда увидел наши самолёты в небе.

ЕФИМ. Мы получили приказ нанести бомбовый удар по окруженной под Сталинградом фашистской группировке...

ИННОКЕНТИЙ. Подожди. Ты был среди них? Я смотрел на вас и был ужасно горд! А потом я понял: вы летели без истребителей. А в западной части неба...

ЕФИМ. Да.

ИННОКЕНТИЙ. Я смотрел, я видел. Там появились самолёты, «мессершмитты». Они просто расстреляли вас! Всем красноармейцам хотелось закрыть глаза и не видеть этого.

ЕФИМ. Как только штурман сбросил бомбы, самолёт загорелся. Дал команду членам экипажа оставить машину, штурман открыл нижний люк. Струей воздуха в мою кабину потянуло огонь и дым. Огонь обжигал лицо, руки. Наконец, и я имею право прыгать. Когда парашют открылся, я почувствовал левой ногой сильный холод. В это время в небе вспыхнули светящиеся бомбы. Стало светло, как днем. Объятый пламенем бомбардировщик камнем упал на землю, взорвался... Я осмотрелся. Оказалось, на левой ноге нет унта. Ноги вроде бы целы. Мимо меня со свистом проносились бомбы. От неожиданного удара о землю потемнело в глазах, упал я в какую-то яму. Там оставаться было нельзя. Куда же идти? Восемь дней и ночей пробирался я к линии фронта. Обморозил руки, ноги, лицо. Пищей служил кусок мерзлого лошадиного мяса, отрезанный от убитой в поле лошади... Казалось, что цель уже близка, что вот-вот перейду линию фронта. Через мою голову уже летели снаряды с обеих сторон. И тут силы покинули меня. Упал, подняться не мог, потерял сознание – здесь и подобрали меня немцы.

В стороне появляется Петр.

ПЕСНЯ ПЛЕННОГО СОЛДАТА (ЕФИМ)

Мне помнится снег без чернá – словно мысли ребенка,
Он лег покрывалом и гóрбился там, вдалеке.
Я чувствовал запах его – ароматный и тонкий,
Я видел прохладную горсть в напряжённой руке.

Ему бы теперь наплатить истощенное тело
И вычистить серые дни без надежды и сна.
Всей кожей я жаждал тепла, а душа не хотела,
Чтоб белые хлопья сжигала лучами весна.

Так коротки руки в плену и отчаянье длíнно!

Мне помнится, помнится всё...

Ефим обрывает песню и плачет.

VI. ИСТОРИЯ ПЕТРА

ПЁТР. Я лежал в госпитале после ранения, когда пришли немцы. Раненых командиров, а также евреев выволокли из госпиталя во двор и расстреляли. Остальных раненых вместе с медицинскими работниками водворили в подвальное помещение. О лечении не могло быть и речи. Медработники только делали перевязки старыми бинтами. Форточек в небольших окнах подвала не было. Одурающая вонь от гниющих ран, грязных бинтов, непроветриваемого подвала перехватывала дыхание. Пленным один раз в день давали баланду, какое-то отвратительное пойло. В таких условиях многие умирали.

Всех выживших и кое-как державшихся на ногах погрузили в товарные вагоны и перевезли в лагерь для военнопленных. Ежедневно под конвоем нас выводили из лагеря на земляные работы. Я подружился с одним человеком, лётчиком – его звали Дмитрий. Он предложил мне бежать из лагеря. Я охотно согласился. Перед окончанием рабочего дня мы удачно проползли под колючей проволокой и оказались на свободе. Мы шли только ночью, а днём отсиживались в лесу, питались то ягодами, то зерном. Когда нас поймали, избили перед строем заключённых и посадили в карцер.

Я был ещё в трёх лагерях и еще дважды пытался бежать.

VII. ИСТОРИЯ ИННОКЕНТИЯ

«ПЛЕННИКИ – ЭТО ЖИВЫЕ УБИТЫЕ» (ИННОКЕНТИЙ)

Эй, сосед, дышишь ли? Голос мой слышишь ли?

Ты убит завтра, я убит вчера.

Без причины брошены под ноги горошины,

Сапогом сношенным втоптаны в барак.

Нас едят заживо, чтобы плоть не зажила,

И рассудок к телу врач примотал бинтом.

Плещет жизнь с вызовом суп гнилой в гильзы нам,

Видим мир снизу мы в крышу-решето.

Где-то там, по́верху, прах летит по ветру,
Эй, сосед, где же ты? Отчего молчишь?
Здесь лицом мраморным не сыграть драму нам,
И печаль шрамами не кровоточит.

Что теперь вижу я на земле выжженной?
Не колосья спелые, а приют костей,
И в ряды схожие имена сложены,
Номера несложные на одном листе.

На заднем плане появляются женщины, несущие кукол.

VIII. ХОР ОБРЕЧЁННЫХ

Он способен сожрать взгляд жертвы,
Не подавится им, не надейтесь –
Хоть облейтесь слезами горячими,
Хоть холодным потом облейтесь.

Из волос наших, некогда буйных,
Он сплетёт на запястья веревки,
Стянет петлями нервы потуже,
Усмиряя нас, некогда ловких.

Нашу кровь отжимая плетью
Без заботы о форме сосуда,
Он возьмёт всё себе по капле,
Ничего не вернув отсюда.

А потом нас пустых и холодных
Не согреет живое пламя,
И тела в безымянной могиле
Не признает родное знамя.

Пойте гибель свою, пойте слаженно,

Словно вы с соловьем поспорили,
Скоро вырежет паузу в партии
Заостренный смычок истории.

Заглушите собой цепи ржавые
Что гремят поперек нашей музыки,
Слева ранены души правые,
Лейся песня сквозь горла узкие!

Женщины и мужчины меняются местами. Мужчины уходят.

IX. ИСТОРИЯ ОЛЬГИ

ОЛЬГА. В нашей деревушке фашисты сожгли всё, что могло гореть. А самое страшное – расстреляли 25 человек. Мне тогда было одиннадцать лет. Мы с мамой и двумя старшими сестрами успели уйти в лес к партизанам. В глухом урочище вырыли землянки и назвали поселок «Негде деться».

Два года и днём и ночью шли бои, всё пылало и гремело вокруг. Мы уходили в глубь лесов, но никто уже не знал, где наш отряд, кто живой, что делать, куда и где можно еще спрятаться, чтобы спастись. Голодные, опухшие, грязные, завшивевшие люди забирались по шею в болото, в крапивные заросли. В болоте, куда мы спрятались на ночь, нас взяли в плен.

Всех посадили в грязный товарный вагон, закрыли двери. Люди облегченно вздохнули: хоть и грязно, и тесно было в вагоне, но зато сухо и тепло...

В ТОВАРНОМ ВАГОНЕ (ОЛЬГА)

Гудок сорвался и охрип,
На полустанке замер скрип
Рессор вагонных.
С натугой вбок шагнула дверь,
В проёме появились две
Фигуры тёмных.

И резанул по лицам свет,
На память выжигая след –
Её искали.

Она красива и бледна,
Весна девичая видна
На талии.

Рванула волосы рука,
Рессоры всхлипнули слегка
По обречённой.
А через миг закрылась дверь,
И женщин прятали теперь
Ожесточённо.

Она вернулась через день,
Не человек, а только тень,
Глаза пустые,
Лишились юной теплоты,
Живые некогда черты,
Застыли.

Так гаснут угли под золой,
С её теплом весь мир былой
Ушел куда-то.
Вагон опять скрипит насквозь,
Мотает путь стальная ось
На запад.

На фоне раздается крик ребенка. Нарастает до очень большой громкости и обрывается.

ОЛЬГА. В Германии мы попали в концлагерь. Нас гоняли в поле собирать камни. Я была не в силах поднять корзину с камнями, и мама одной рукой несла свою, другой помогала мне. Соломенные матрац и подушка после такой работы казались пуховыми. Глаза закрывались мгновенно. Вдобавок ко всему у меня, как и у других детей, за время пребывания в этом лагере несколько раз брали кровь. От голода и тяжелой работы постоянно болела голова, дрожали руки, ноги.

Каждое утро фашисты устраивали себе развлечение – собирали людей на плацу, потом разгоняли в разные стороны женщин, детей, стариков. Матери не отпускали от себя детей, тогда их били плетками.

Х. ИСТОРИЯ ЕЛЕНА. ИСТОРИЯ ЛИЛИ (НАЧАЛО)

ЕЛЕНА. Когда в нашу деревню пришли немцы, мы собрали кое-какие вещи и ушли в лес. Немцы леса боялись, там было много партизан. По ночам мы ходили в деревню, работали в саду и в огороде, не хотели оставлять урожай. Однажды полицаи устроили облаву. Мы с папой и сестрой успели спрятаться, а маму поймали и расстреляли.

ЛИЛЯ. Сказать по правде вреда больше было от полицаев, чем от немцев. Переметнувшиеся на сторону фашистов местные, пытаясь выслужиться, шли на любые подлости, предательства, зверства. Один такой полицай – сосед, хорошо знавший нашу семью, вместе с немецким офицером вошел в хату, где в это время находились все мы. Старшая, 14-летняя Нина, читала нам, младшим, сказки. Сосед указал на Нину. Немец взглянул на нее и отмахнулся: «kinder» – сестра была маленькой и худенькой. «Какой же она ребенок, – встал руки в боки полицай. – Ей скоро пятнадцать», и дернул Нину с кровати за руку. Она споткнулась и упала перед входной дверью, вскочила, и в чем была – шерстяных носках на босу ногу и в платье без рукавов – выскочила во двор.

Сосед погнался за ней, повалил на снег, ударил прикладом, а затем схватил за косу и потянул со двора на дорогу. Мама, выбежавшая вслед за полицаем, только и успела, что схватить с веревки сохнущую бабушкину кофту и кинуть ее вслед дочери.

ЕЛЕНА. Гитлеровцы, разграбившие наши музеи и картинные галереи, намеревались вывезти эти богатства в Германию. Чтобы поезд по дороге не взорвали партизаны, они посадили нас в вагоны с музейными экспонатами. И партизаны поезд не тронули.

Мы ехали без остановок. Нам велели сойти, неподалеку от города, в лесу, где стоял лагерь смерти. Я увидела печи для сжигания людей. Пепел ссыпали прямо в реку. Нас раздели, приказали вымыться, выдали полосатые халаты женщинам и штаны мужчинам.

На фоне снова раздается крик ребенка. Также нарастает до очень большой громкости и обрывается.

Нас четверых поселили вместе в одном бараке. Здесь жили еще несколько семей, всего человек шестнадцать, наверное. Примерно через неделю после приезда в нашем бараке кто-то сделал подкоп. Человека нашли и заживо сожгли.

А потом выстроили нас всех во дворе и приказали сделать шаг вперед тем, кто знал о подкопе и не сообщил тюремщикам. Никто не признался. Тогда надсмотрщик достал пистолет и расстрелял каждого пятого в шеренге. Мы вчетвером стояли вместе, рядом с нами – семейная пара. Немец с пистолетом прошел мимо нас, а мужа беременной женщины убил, он был пятым.

ЛИЛЯ. Дети до 10 лет в лагере ничего не делали. Единственной нашей обязанностью было присматривать за младшими детьми.

ХІ. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (НАЧАЛО)

ПЕСЕНКА МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКИ (ЛЮБА)

С мамой ехали сюда
Из деревни – далеко:
Был огромный паровоз,
Целый поезд вёз легко.

Я в вагоне первый раз –
Почему в нём окон нет?
Как там ездят в темноте?
Только в щёлку видно свет.

Новый дом у нас большой,
В нём стоят кровати в ряд,
Называется барак –
Так соседи говорят.

Наше место здесь, в конце,
Привыкаю по чуть-чуть.
Днём, пока соседей нет,
Всё здесь в доме изучу.

Вот доска, а в ней сучки,
Пол шершавый, земляной,
Что же там в углу стучит
Между печкой и стеной?

В печке дырочек полно –
Все запомню наизусть:
Крупным выдам имена,
Мелким – номер, ну и пусть.

На оранжевый огонь
Лучше вечером смотреть –
Он красивый и большой,
Если есть чему гореть.

Мы на печке жарим хлеб,
Потому что он замёрз,
Даже я замерзла в кофте,
В той, что папа мне привёз.

Он нас скоро заберет,
Надо только потерпеть –
Жарить хлеб, смотреть в огонь,
Маму обнимать и греть.

ХII. ИСТОРИЯ ЛИЛИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЛИЛЯ. После того как угнали Нину, мы прятались в лесу. Однажды немцы проводили облаву и нашли нас. Бабушку, маму, меня шестилетнюю, брата и двух сестер привезли на вокзал, бросили в поезд вместе с другими местными жителями и отправили в неизвестном направлении.

Первым моим лагерем стал Майдáнек. Крематории здесь работали круглосуточно.

В первый же день нас построили на плацу перед виселицами. Через несколько минут из барака вывели пятерых избитых мужчин. Они шли босиком, в одних белых кальсонах.

Это были советские военнопленные, пытавшиеся сбежать из лагеря. Когда им набросили веревки на шею, мама развернула нас с братом к себе, ткнула лицом в подол и держала, пока шла казнь.

Кормили нас один раз в день маленьким кусочком хлеба, в котором было процентов семьдесят древесных опилок, и баландой. Смотрительница барака следила за тем, как нам разливают баланду. Когда дошла моя очередь, я заметила,

что в черпаке, которым мне только что налили похлебку, остался кусочек моркови. Я потянулась за ним, но в следующую секунду получила удар железным прутом по пальцам. Удар был такой силы, что мне почти отрубило безымянный палец.

Я выронила миску, расплескав баланду по полу, обхватила больной палец левой рукой, отскочила в сторону. Но не заплакала, знала, что будет только хуже. Однажды на наших глазах она избивала своим стеком мальчика постарше меня, и его, мертвого, вынесли из барака.

Я забилась под нары и просидела там целый день, поскуливая от боли. Вечером пришла мама – ей кто-то сказал, что со мной случилось. Она принесла дорожник, палочки, раздобыла где-то чистый лоскут. Приложила дорожник к пальцу, вокруг него – палочки, служившие шинами, перевязала лоскутом.

На фоне раздается крик ребенка в третий раз. Нарастает максимально и обрывается опять.

ХІІІ. ТИХІЕ ГЕРОІ

Во чреве лагерей, за толщей стен,
Со смертью шёл неравный бой,
Творили чудо тихие герои,
Творили чудо, жертвуя собой.

Врачи лечили тех, кого нельзя,
Людей не разделяя на породы,
Рискуя жизнью дарили жизнь чужую
Порой на день, а иногда на годы.

Здесь женщины, чуть ноги волоча,
Следили за детьми без матерей,
Следили днём и ночью, сообщая,
И каждого старались обогреть.

Герои умирали раньше всех,
И мир не успевали изменить,
Их подвиг носят в сердце те,
Кому они отдали право жить.

XIV. ИСТОРИЯ ЛИЛИ. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЛЮБА. В бараках места хватало только чтобы лежать. Кто не поместился – располагались около бараков. Однажды зимой у меня ухо примёрзло к земляному полу – видно, у окна лежала, ночью был мокрый холодный ветер. Подняться не могла, пока мама руками ухо не отогрела.

ЛИЛЯ. Однажды к нам приехала какая-то немка или австрийка и привезла корзину с яблоками и мешок с детской одеждой. Мне достался свитер, я натянула его и увидела дырку на животе с запекшейся вокруг кровью. Сразу поняла, что в этом свитере до меня ходил другой ребенок. Его убили, а одежду забрали. Гостья, заметив дырку на свитере, приказала мне закрыть ее ладонью. Она достала фотоаппарат и стала снимать, как солдаты раздают нам яблоки.

Во время дальнейшего текста на фоне орёт ребенок.

ЛИЛЯ. Над старшими детьми в лагере иногда ставили опыты. У нас в бараке один угол все время был занавешен тканью. За ней стояла кровать, на которой лежал мальчик лет четырнадцати, запомнила, что его звали так же, как моего брата, – Гена. Лагерщики ему вживую ломали ноги, обвязывали их чем-то и приносили на носилках в барак. Он кричал днями и ночами, и какими бы все уставшими после работ ни были, никто не мог уснуть из-за этих криков. Но как только он затихал, его снова уносили, ломали ноги уже в другом месте и возвращали назад. Так было раз пять, наверное, потом нас снова перевели в другой лагерь, и я не знаю, что стало с этим мальчиком.

Крик замолкает. Выносят куклу мальчика и бросают в кучу тел. Куклу Любы, а также другого ребенка также бросают в кучу.

ЛЮБА. Мы опухли от голода. Я уже не могла подняться, просто лежала безучастная ко всему. Мама в отчаянии пошла что-то искать. Пришла – меня нет. Одна девочка сказала ей, что санитары собирали трупы и выкинули меня. Мама закричала, побежала искать. Я ещё лежала на телеге. Она узнала меня в груде тел только по башмачку. Вытащила, не поверила, что я мертва.

Мама Любы находит ее в груде тел. Другая мама находит своего ребёнка мёртвым.

XV. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МЁРТВОГО РЕБЕНКА

Чёрное небо прóжжено звездами,
Там, в недоступной его глубине
Мерно струится тобою не познанный
Выдох, усилием вечности созданный,
И предназначенный вдохом тебе.

Прóжжена кожа слезами до копоти,
Высохли реки и высох песок.
Маленький мир, полный злобы и похоти,
Кашляет кровью в неистовом грохоте
В вечность, которой коснуться не смог.

Плети изломанных рук в безнадёжности
Тело укрыли в свою колыбель:
Нет, и не будет для вечности тождества
Жизни ребёнка и воплей ничтожества —
Их замечает из пепла метель...

Криком беззвучным обрушится в ночь
Плач на темнеющий лес.
Лес промолчит, он не в силах помочь,
Так же, как звёзды с небес.

XVI. ИСТОРИЯ ЛЮБЫ (ОКОНЧАНИЕ)

ЛЮБА. Когда мама вытащила, не поверила, что я мертва, она принесла меня в барак и сказала: «Так больше не может продолжаться. Надо бежать». К маме присоединилось ещё пять женщин. Но как бежать, если ребёнок не ходит? Мама решила, что привяжет меня к себе платком.

Ночью мы проползли под проволокой. Помню, как бежали по узкоколейке, по шпалам. Сил нет держаться за маму, шея и руки опускаются. Мама просит: «Держись крепче, держись, а то мы вместе с тобой упадём».

XVII. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Приходят двое мужчин. Они отодвигают нацистские куклы. Звучит неистовый рёв освобождения. А потом... Эмоции женщин никак не поменялись. Они рады, но как жить дальше не знают. Они растеряны. Живы, но больны, изувечены, наполовину сумасшедшие. Женщины по очереди скидывают кукол в кучу. Мужчины, которым нужно уходить вперёд – к Победе, забирают женщин с собой.

XVIII. ВТОРОЙ РАССТРЕЛ

Выходят два человека в чёрном и снова выводят на сцену кукол нацистов – для расстрела оркестра.

ЧЕЛОВЕК В ЧЁРНОМ. Вы не уйдёте. Когда враг дойдёт до этого лагеря, здесь будет только пепел. **ВСТАТЬ!** Продолжать игру!

МУЗЫКАНТ (*мучительно ищет, что сказать*). До свидания. До свидания. До свидания.

Всех музыкантов расстреливают по одному. После выстрела человек в черном надевает на убитого капюшон и уводит его. Когда среди живых музыкантов остаются только артисты струнного оркестра к музыке присоединяется женский вокализ, который постепенно остаётся один без сопровождения и начинает петь музыкальную тему, присоединяя к себе постепенно все остальные голоса, в конечном итоге пение переходит в заключительный хор a capella.

XIX. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ХОР (A CARPELLA)

Уходили живыми в дорожную пыль.
Мы убиты внутри, но свободны.
Суждено сохранить нам печальную быль,
Видеть, годы спустя, где бы ни были мы –
Содрогаемся ночью холодной,
Гнет нас память, как ветер ковыль.
Нас, живых.

Нет исчезнувших ран, нет души без рубцов,
Нынче солнце всем поровну светит,
Наши внуки и правнуки знают отцов,
За счастливые годы, за этих птенцов
Мы судьбой миллионов в ответе,
Милосердие - наше лицо.

Завещаем дышать, завещаем любить,
Не оставить посевы до срока.
Завещаем потомкам свободно творить,
Всеми силами веком своим дорожить,
Пережитого нами урока,
Не забыть... не забыть... не забыть!